

Вильнова Светлана Васильевна

«Выбранные места из переписки с друзьями»

Н.В. Гоголя в литературно-общественном контексте 1840-х годов

(историко-функциональный аспект)

10.01.01 – русская литература

Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Работа выполнена в Оренбургском государственном
педагогическом университете

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Сысоева Нина Петровна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Кривонос Владислав Шаевич

кандидат филологических наук
Еремин Максим Александрович

Ведущая организация: Ульяновский государственный университет

Защита состоится 5 декабря 2008 года в 15.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.218.07 при Самарском государственном
университете по адресу: 443011, Самара, ул. Академика Павлова, 1, зал
заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Самарского
государственного университета.

Автореферат разослан «28» октября 2008 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

Карпенко Г.Ю.

Общая характеристика работы

Актуальность исследования и состояние научной разработанности темы

Итоговая, «прощальная книга» Н.В. Гоголя, воссоздававшая кризисную картину русского мира в свете авторского христианского идеала, наполненная явными и скрытыми эсхатологическими смыслами, тяготеющая к обобщениям универсального характера, искавшая, как и «Мертвые души», «ответы на «последние» вопросы, которые задает человеку самое бытие на пороге жизни и смерти»¹, несомненно, может рассматриваться как явление активно формировавшейся новой универсальной прозы 1840-х годов (В.Ш. Кривонос, В.М. Маркович, Н.Д. Тмарченко и др.). Устремившись к широкоохватной циклизации, жанровому синтезу, свободной композиции, открытому диалогу со своим веком, доверительному и максималистски требовательному общению с читателем, гоголевская книга предельно активно инициировала жизнестроительные функции искусства, совпадая в этом с «духом века» и одновременно опережая его.

Актуальность темы исследования определена следующими факторами:

перспективностью дальнейшего многоуровневого изучения остающейся самой малоизученной и дискуссионной книги Н.В. Гоголя как явления новой социально-универсальной русской прозы 1840-х годов;

осознанием высокой продуктивности исследования проблемы автор – читатель по отношению к итоговой документально-художественной книге писателя, излагавшей авторскую программу духовно-практического переустройства русского мира и непосредственно обращенной к читателю;

- необходимостью аналитического рассмотрения историко-литературного контекста «Переписки» для выяснения объективной мотивации ее тотального общественного неприятия, для понимания и уточнения причин духовно-творческой драмы позднего Гоголя;

- культурно-исторической значимостью духовно-творческих исканий Гоголя в сфере русской прозы на пути универсального синтеза разных жанров и стилей;

- острым современным звучанием многих базовых положений эстетического и религиозного кодекса Гоголя 1840-х годов.

Из всего корпуса творений писателя, неизменно привлекающих внимание исследователей, в странном забвении и небрежении, несмотря на заметные сдвиги в современном гоголеведении, продолжают оставаться «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847 г.).

Обращенная к «друзьям»: ближайшему кругу единомышленников, русскому обществу, читателям с такой пронзительной покаянной исповедью и требовательной проповедью нравственного самоусовершенствования во имя Спасения, рассчитанная на снятие всех условных барьеров в человеческом

¹ Кривонос В.Ш. «Мертвые души» Гоголя и становление новой русской прозы. Проблемы повествования. – Воронеж, 1985. – С.108.

общении, настроенная на безоглядный душевный и сердечный отклик, – «Переписка» Гоголя вызвала поразительное по своему ожесточению неприятие, породив уникальную в истории русской литературы авторскую и читательскую драму взаимного непонимания. Книга спровоцировала взрыв негодования современной Гоголю критики почти всего идеологического спектра: непримиримо отрицательную оценку В.Г. Белинского и «свирепую» «либерально-консервативную травлю», по выражению Д.С. Мережковского, во многих известных изданиях.

Сомнительной, парадоксально противоречивой и далеко не единой оказалась попытка идейно-декларативной реабилитации гоголевской книги, предпринятая представителями религиозно-философской критики рубежа XIX – XX веков в контексте пересмотра основных положений и методологии предшествующей, в первую очередь, революционно-демократической критики (Д. Мережковский, В. Розанов, М. Гершензон, П. Перцов, И. Щеглов, Л. Коган, И. Житецкий и др.).

Позиция эмигрантской критики, провозгласившей Гоголя великим духовным писателем России (К. Мочульский, В. Зеньковский, С. Франк, Г. Флоровский, И. Ильин, Д. Чижевский, П. Бицилли и др.), а его книгу писем – высшим достижением Гоголя-художника и религиозного мыслителя, осознавшим необходимость подчинения искусства христианскому идеалу и вере, оказалась на долгие десятилетия искусственно выключенной из сферы живого читательского восприятия и научного осмысления.

Литературоведение советского периода гоголевскую «Переписку» отвергло по идеологическим соображениям (В.В. Гиппиус, Г.А. Гуковский, Е.Н. Купреянова, С.И. Машинский, Д.П. Николаев, Н.Л. Степанов, М.Б. Храпченко и др.).

Рубеж второго и третьего тысячелетий ознаменовался, несомненно, еще более мощным всплеском научного, общественного, читательского интереса к феномену Гоголя. По-новому открываются богатство и сложность духовного мира писателя, смысл его напряженных религиозно-нравственных исканий в исследованиях ученых так называемого «религиозного» литературоведения (Е.И. Анненкова, В.А. Воропаев, С.А. Гончаров, М.М. Дунаев, В.А. Котельников, И.А. Виноградов, И.А. Есаулов и др.), методология и выводы сторонников которого неоднозначно воспринимаются в современной науке.

Прочную базу и перспективные направления для дальнейших изысканий в сфере гоголевского наследия создает академическое гоголеведение с характерными для него методологической выдержанностью, последовательным отстаиванием специфики литературы и науки о ней (Ю.В. Мани, В.Ш. Кривонос, М.Н. Виролайнен, С.Г. Бочаров, Ю.М. Лотман, В.М. Маркович, В.А. Недзвецкий, А.Х. Гольденберг, Ю.Я. Барабаш и др.).

«Гоголевские чтения» (2002 г.), Международная научная конференция, посвященная 150-летию со дня смерти Н.В. Гоголя (ИМЛИ, 2002 г.), продолжающийся выход нового Академического издания собрания сочинений

писателя, нарастающий поток научных исследований, посвященных самым разным аспектам гоголевского наследия, позволяют говорить о «возвращении» Гоголя во всем объеме его феноменального явления в культурное пространство современной России, о востребованности гоголевского слова.

Очевидно, что значительный комплекс спорных и нерешенных проблем, порожаемых феноменом гоголевской личности и творчества, не может быть успешно разрешен без многоуровневого, детального изучения итоговой книги писателя как знакового явления русской культуры. В «Выбранных местах» оказались сфокусированными все основные духовно-нравственные, религиозные, философские, эстетические вопросы и искания всей его жизни. В этой книге, созданной в «антракте» между первым и вторым, сожженным, томами «Мертвых душ», Гоголь не только пророчески предсказал многие беды и катастрофы последующих времен, но и подвижнически предпринял страстные поиски практических путей спасения русского общества.

Для реализации задуманной грандиозной мессианской, явно утопической программы с указанием конкретных сроков и способов ее претворения в жизнь и с публичным названием адресатов (известных в России людей), которые должны были сами немедленно приступить к осуществлению этой программы и побудить к этому всех людей из их круга, на которых они имели влияние, одной «литературы» было мало. Понадобился весь гоголевский ресурс: документ, публицистика, эпистолярный, критическая статья, литературный портрет, эссе, жанры духовной прозы (исповедь, проповедь) и, безусловно, уникальная творческая способность великого мастера весь разнородный материал жизни, культуры, истории, литературы, переписки соединить, сцепить в единую картину русского мира с авторской личностью в центре, облечь в форму авторской исповеди, повествующей о возможном «исходе» для себя и каждого русского человека из «тьмы» современного греховного, бездуховного мира к свету и спасению.

К началу 1840-х годов, как свидетельствуют переписка и мемуарные источники, Гоголь остро ощутил глубокую неудовлетворенность даже теми, казалось бы, почти безграничными возможностями, которые открывала перед искусством русская проза нового времени. В представлении Гоголя катастрофизм современного человеческого бытия приобретал угрожающе ускоряющийся и необратимый характер. Современное искусство, вступив в фазу мощной, многоуровневой демократизации, пытаясь как можно более достоверно и точно воспроизвести сложность и пестроту социальной, материальной жизни, не наращивало, а утрачивало, как представлялось автору «Выбранных мест», свои жизнетворческие, жизнестроительные функции, свое «высветляющее», одухотворяющее воздействие на человека.

Исследование причин и истоков назревавшего мировоззренческого, религиозного если не «переворота», то поворота позднего Гоголя, закономерно приводит к многосложной проблеме Автора, амбивалентно совмещающего в «Переписке» самые разные лики и функции. Автор остро переживает свое нравственное несовершенство и в то же время осознает себя в качестве

носителя «нового слова» (Ф.М. Достоевский), пытается «соединить Небо и Землю» (С.Т. Аксаков); потрясается «страхами и ужасами» современной жизни и упоает на «чудо» христианского преображения, призывает «... на битву уже не за временную нашу свободу, права и привилегии наши, но за нашу душу...»² Минуя современные общепринятые формы общения с читателем, автор прямо обращается к «каждой человеческой единице» с практическим «советом» и требованием приступить к переустройству всей своей жизни в соответствии с христианским канонам.

В светской книге, адресованной сознанию мирского человека, погруженного в бытовые проблемы, автор размышляет о вере, религии, духовности, искусстве, современности, русской женщине, русском национальном характере, о русской литературе, о месте человека, его поприще, о национальной истории и пр. Размышляя об этих остросовременных, общественно значимых и «вечных» вопросах русской и общечеловеческой жизни в форме дружеской переписки, Гоголь обращал свое слово ко всей России, к каждому русскому человеку. И его речь, мгновенно преодолев присущую эпистолярной традиции общения интимность, исповедальность, камерность, негромкую интонацию, набирала мощь и страсть проповеди. Это было обусловлено авторской трагической концепцией современной цивилизации, свернувшей с «торной», «освященной солнцем» христианской дороги на гибельный путь духовного самоуничтожения, и верой писателя в возможность спасения России при возвращении ее на христианскую дорогу развития.

Базируясь в методологическом плане в решении проблемы автора на авторитетных исследованиях М.М. Бахтина, В.В. Виноградова, Б.О. Кормана, В.Ш. Кривоноса, Н.Т. Рымаря, В.П. Скобелева, В.Е. Хализева, Н.Д. Тамарченко, А.Ю. Большаковой и др., мы считаем наиболее убедительной и объемной в современной научной теории автора и читателя трактовку категории автора у Б.О. Кормана, развившего и конкретизировавшего многие концептуальные положения М.М. Бахтина.

Указанные Корманом значения категории «автор», и прежде всего как носителя концепции произведения, предполагающего «и соответствующего читателя – не эмпирического, а концепированного», являющегося элементом «эстетической реальности», активно и сложно задействованы в итоговой книге Гоголя. Автор предстает в ней как эпицентр создаваемого образа мира, как документального, так и художественного, а читатель не только как уже сформировавшаяся «культурно значимая категория» (Ю.М. Лотман), но и как активно формируемая этическая, точнее, этико-культурно значимая категория.

Тема, вынесенная в название диссертации, как объект специального исследования не рассматривалась. «Выбранные места» как единый текст во всей совокупности авторских интенций, как отражение «напряженно-активного единства завершенного целого» (М.М. Бахтин) в науке еще не изучался. Однако

² Гоголь Н.В. Собрание сочинений: В 7 т. – М. Художественная литература, 1986 – Т. VI, с. 359. (Далее ссылки на это Собрание сочинений даются с указанием тома (римскими) и страницы (арабскими) шифрами)

итоговая книга Гоголя, вызвавшая еще при жизни писателя такую бурную негативную критическую реакцию (В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Т.Н. Грановский, И.С. Тургенев, В.П. Боткин, П.В. Анненков, С.Т. Аксаков, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин) и немногочисленные положительные отзывы (А.И. Тургенев, П.Я. Чаадаев, А.А. Григорьев, П.А. Плетнев, поздний Л.Н. Толстой), поставила в качестве основной именно эту проблему взаимоотношений современного художника с обществом, его общественного статуса, его этических, учительных полномочий.

Современное гоголеведение в своих самых научно-продуктивных направлениях, таких, как «религиозное» (Е.И. Анненкова, И.А. Виноградов, В.А. Воропаев, С.А. Гончаров, М.М. Дунаев, И.А. Есаулов, В.А. Котельников и др.) и академическое (С.Г. Бочаров, М.Н. Виролайнен, А.Х. Гольденберг, В.Ш. Кривонос, Ю.М. Лотман, Ю.В. Манн, В.М. Маркович, В.А. Недзвецкий и др.), принципиально пересматривая со своих позиций методологически наиболее идеологизированные базовые положения советской науки о Гоголе, как социальном обличителе и сатирике (Г.А. Гуковский, В.В. Гиппиус, Е.Н. Купреянова, С.И. Машинский, Д.П. Николаев, Н.Л. Степанов, М.Б. Храпченко и др.), безусловно, открывает новые научные перспективы. Однако современная наука о «Выбранных местах», несмотря на наличие отдельных монографических изысканий (Е.И. Анненкова, Ю.Я. Барабаш, В.А. Воропаев, И.П. Золотусский) и ряда глубоких и интересных статей (В.И. Мильдон, П.В. Михед, Л.А. Сапченко и др.), находится пока еще в состоянии напряженного научного поиска. Современная филологическая мысль пока еще только осваивает многосложное «пространство смысла» последней книги Гоголя.

В соответствии с актуальными научными разработками в диссертации была предпринята попытка постижения документально-художественной специфичности итоговой книги Гоголя через уяснение ее уникальной структуры: авторской картины национального мира с ее двойным хронотопом (реальным и идеальным) и отчетливо выраженной амбивалентной авторской антропологией (проявленной греховности человека и его скрытой божественной сущности) в контексте нарастающего катастрофизма мировой и русской цивилизации.

Такие важные, почти не освещавшиеся в науке проблемы, как специфика композиционно-жанровой организации гоголевской книги, ее цикловая природа, присущий ей универсальный многожанровый синтез (на границе литературы и документа), ее активная диалогичность рассматриваются в диссертации как формы выражения авторского сознания.

В решении поставленного комплекса проблем теоретическое обоснование было найдено в работах Е.И. Анненковой, М.М. Бахтина, С.Г. Бочарова, М.Н. Виролайнен, Г.А. Гуковского, А.Х. Гольденберга, С.А. Гончарова, М.Н. Дарвина, Б.О. Кормана, В.Ш. Кривоноса, Ю.В. Лебедева, Ю.М. Лотмана, Л.Е. Ляпиной, Ю.В. Манна, В.М. Марковича, В.А. Недзвецкого, П.В. Палиевского, Л.В. Пумпянского, Ю.Н. Тынянова, В.Е. Хализева.

Научная новизна работы определена исследовательской позицией, предполагающей, что не только художественный, но и «смешанный» текст, создаваемый в пограничной зоне взаимодействия художественности и документальности, может интерпретироваться как интеллектуально-творческий акт Автора, в котором выражается основной спектр его самоидентификации в активном общении с читателем, как на содержательном, так и на формальном уровнях.

Рассмотрение проблематики гоголевской картины русского мира, сложной жанровой природы, композиции «Выбранных мест из переписки с друзьями» как активных форм выражения авторского самосознания в литературно-общественном контексте, позволило выявить специфику гоголевской книги как характерного и уникального явления новой русской прозы: ее чуткое соответствие «духу века», с его требованием духовно-нравственных и социальных преобразований, и трагическое несовпадение с ним, проявившееся в неготовности «соотечественников» последовать гоголевской грандиозной утопической программе духовно-нравственного преображения мира и человека. Творение Гоголя опережало свое время и оказывалось созвучным нашему.

Объектом исследования стал текст итоговой книги Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» в контексте эпистолярного, публицистического, теософского и творческого наследия писателя 1840-х годов и в литературно-общественном контексте сходных образцов («Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина, «Философические письма» П.Я. Чаадаева, «Русские ночи» В.Ф. Одоевского, «Письма из Франции и Италии» А.И. Герцена и др.).

Предметом исследования (на уровне поэтики гоголевской книги) стали формы выражения авторского самосознания, его активная апелляция к читателю, авторская программа духовно-нравственного преображения и спасения русского человека и мира, переживающих состояние катастрофического кризиса.

Целью исследования стало выявление, описание, систематизация и осмысление форм выражения авторского сознания в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя в контексте его наследия и полемически-противоречивом общественном и историко-литературном контексте XIX века.

В соответствии с поставленной целью были определены **следующие задачи:**

осмыслить состояние научно-теоретической разработанности остроактуальной для позднего Гоголя проблемы автор – читатель;

- обобщить, конкретизировать и скорректировать теоретические сведения, связанные со спецификой выражения авторского сознания в многожанровом документально-художественном произведении;

рассмотреть книгу Гоголя, активно апеллирующую к читателю, в контексте современной писателю острополюемической общественной реакции, в широком литературно-общественном контексте XIX века, как знаковое явление

русской публицистической, религиозной, художественной мысли, культуры в целом и как характерное явление новой социально-универсальной русской прозы XIX в.;

исследовать авторскую картину катастрофического состояния русского мира и аксиологическое содержание авторской программы его спасения; выявить смысл гоголевской идеи религиозно-нравственной переориентации искусства;

описать специфику цикловой композиции гоголевского сборника, особенности трансформации жанров литературного письма, эпистолярного путешествия, критико-публицистического очерка, исповеди и проповеди как активных содержательных форм выражения авторского самосознания в поздней прозе Н.В. Гоголя.

В основу методологии положены принципы историко-литературного и историко-типологического подхода. Наряду с этим в диссертации использованы приемы историософского, эстетического, онтологического анализа.

Основополагающее значение в предпринятом исследовании имели труды Е.И. Анненковой, М.М. Бахтина, С.Г. Бочарова, Л.Я. Гинзбург, Б.О. Кормана, В.Ш. Кривоноса, Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, Ю.В. Манна, В.М. Марковича, П.В. Палиевского, Л.В. Пумпянского.

Теоретическое значение исследования состоит в обобщении, конкретизации и уточнении теоретических сведений, связанных со спецификой выражения авторского сознания в многожанровом документально-художественном произведении, вписанном в объемный литературно-общественный контекст и активно ориентированном на широкую читательскую аудиторию.

Научно-практическое значение диссертации состоит в том, что ее материалы и полученные результаты могут быть использованы:

в дальнейшем изучении теории автора в документально-художественных жанрах;

при исследовании читательской реакции на произведение с активно выраженной жизнотворческой программой;

- при сравнительно-типологическом анализе других произведений русской литературы с многожанровой структурой;

при внесении ряда уточнений в продолжающийся в современном гоголеведении процесс деидеологизации идейно-творческого развития писателя, особенно его позднего периода;

- в вузовском и школьном преподавании историко- и теоретико-литературных курсов; в разработке содержательных и актуальных тем контрольных, курсовых и дипломных работ для студентов филологических вузов.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертации обсуждались на научных конференциях: Всероссийской научно-методической конференции «Движение художественных форм и художественного сознания

XX и XXI веков», проводившейся Самарским государственным педагогическим университетом в рамках проекта «Самарская филологическая школа»(2005 г.); на 30-ой юбилейной Зональной конференции литературоведов Поволжья, «Вторые Бочкарёвские чтения»(2006 г.); на XXXI Зональной конференции литературоведов Поволжья (Елабуга, 2008 г.); на XXVIII преподавательской научно-практической конференции «Современные факторы повышения качества профессионального образования», проводившейся Оренбургским государственным педагогическим университетом (2007 г.), на преподавательских научно-практических конференциях ОГПУ (2004, 2005, 2006, 2007). Отдельные проблемы исследования отражены в докладах, с которыми диссертант выступал на аспирантских семинарах кафедры русской классической литературы и методики преподавания литературы.

Положения, выносимые на защиту:

«Выбранные места» – явление новой социально-универсальной прозы 1840-х годов, основными тенденциями которой становятся устремленность к всеохватному этико-эстетическому синтезу, к разрешению «последних вопросов» человеческого бытия на основе глубочайшего исследования живой современной жизни;

- отражение в книге нового типа Автора, амбивалентно совмещающего в себе разные лики (смирненного «грешника», исповедующегося перед «соотечественниками»; великого художника, осознавшего свою ответственность за судьбы страны в период ее системного кризиса; учителя, пытающегося указать «незримые ступени», ведущие к духовному спасению нации) и устанавливающего новый тип взаимоотношений с читателем и обществом;

- гоголевская картина русского мира отличается динамической сложностью временных и пространственных характеристик, совмещающих реальный (острокритический) и идеальный (христиански-утверждающий) хронотопы. Кризисному состоянию русского мира и человека предьявляется авторский утопический идеальный проект их всеобщей ускоренной христианизации. Активная спасительная роль отведена сакрализованному искусству;

- поэтика гоголевской книги строится на основе универсальной авторской трансформации и предельном сближении («смещении») разных жанров и жанровых форм (литературное путешествие, эпистолярный, литературно-критический очерк, исповедь, проповедь). «Выбранные места» мыслились автором как экспериментальная книга, открывающая перспективы развития «иной», обновленной литературе, возвращающей себе такое базовое изначальное качество русской культуры, как духовность.

Структура работы включает в себя введение, три главы, заключение, список использованной литературы, приложение.

Основное содержание диссертации

Во **введении** дается обоснование актуальности и новизны выбранной темы, раскрывается общий концептуальный замысел работы, определяются цель и задачи исследования, обозначается практическая значимость результатов исследования и характер их апробации.

Первая глава «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя как явление новой русской прозы 1840-х годов: диалог автора с читателем» посвящена теоретическому обоснованию выбранного для достижения поставленной цели системного подхода.

В §1 **«Формы выражения авторского сознания в документально-очерковой прозе: теоретический аспект»** оценивается степень научной изученности проблемы автора в литературоведении, выявляется ее многосложное содержание в итоговой книге Гоголя, обусловленное мессианской, жизнестроительной программой писателя. В свете основных положений теории автора, выдвинутых М.М. Бахтиным, Б.О. Корманом, Н.Д. Тамарченко и др., «Переписка» рассматривается как многомерное выражение авторского самосознания, авторской картины русского мира и антропологии в свете выстраданного христианского идеала. Автор амбивалентно совмещает самые разные лики и функции. Он остро переживает свое нравственное несовершенство и в то же время осознает себя в качестве носителя «нового слова» (Ф.М. Достоевский), пытается «соединить Небо и Землю» (С.Т. Аксаков), потрясается «страхами и ужасами» современной жизни и уповает на «чудо» христианского преображения.

В соответствии с такой гоголевской установкой в предпринятом исследовании особый акцент переносится на проблему взаимоотношений автора нового типа с читателем. В эту сферу Гоголь вносит кардинальные изменения. Минуя общепринятые формы общения автора с читателем, снимая традиционно установившиеся этико-эстетические дистанции, он прямо обращается к «каждой человеческой единице» с практическим «советом» и учительным требованием приступить к переустройству всей своей жизни в соответствии с христианским идеалом.

Специфика выражения авторского самосознания в активном взаимодействии с читателем в документально-художественном произведении реализует себя в названии книги, в заголовочном комплексе (совмещающем документальную конкретику и высокую религиозную символику), в синтезе разных жанров и стилей, в авторской картине русского мира с ее двойственным реально/идеальным хронотопом, амбивалентной антропологией греховно/божественной природы человека, ощущением глубочайшей кризисности современного миропорядка и верой в возможность их чудесного преображения.

§2 **«Выбранные места» в оценке русской общественно-критической и религиозной мысли 1840-х годов»** включен в первую главу работы, т.к. данный материал и его концептуальное освещение активно способствуют

решению одной из самых сложных и спорных проблем гоголеведения: уяснению объективных причин активного общественного неприятия гоголевской «антрактной», исповедально-проповеднической книги.

Публично заявленная любовь к своим соотечественникам обязывала его к мобилизации всего своего духовного и творческого ресурса: его жизнь, опыт, творческий дар, написанные им ранее произведения, которые он теперь переоценивал с такой беспощадной требовательностью, переписка, его последняя книга – завещание, сама его тяжелая болезнь и даже смерть, а также изданные после смерти сочинения, – все обязано было послужить «пользе». Он буквально сосредоточен на тотальной сакрализации чуть ли не всех базовых понятий и смыслов русской жизни, которые в условиях буржуазного века стремительно утрачивали свое первоначальное духовно-нравственное значение. Обращаясь со «смертного одра» с «братским поученьем» к «соотечественникам», писатель лучше других видит в этот момент духовного кульминационного прозрения потрясающее его душу трагическое несоответствие ничтожества и греховности каждодневного человеческого бытия божественному замыслу о человеке. Он открыто переходит на язык пламенной, страстной проповеди, которая своей очевидной истиной о греховности человека и мира, своими апокалипсическими прозрениями о грядущих последствиях уклонения от христианского идеала, своим витийственным пафосом должна была произвести одновременно нравственное потрясение (ужас) и катарсис («прекрасный испуг») и способствовать «чуду» духовного пробуждения и преображения русского человека и общества. Его речь звучит как апостольское предупреждение, как призыв к покаянию и единению.

Но в условиях нараставшей радикализации русского общественного самосознания 1840-х гг., его углублявшегося идеологического раскола, как в своем западническом (В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Т.Н. Грановский, И.С. Тургенев, В.П. Боткин, П.В. Анненков), так и в славянофильском изводе (С.Т. Аксаков, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин), немногочисленных положительных отзывах (А.И. Тургенев, П.Я. Чаадаев, А.А. Григорьев, П.А. Плетнев, поздний Л.Н. Толстой), общественно-критическая мысль оказалась неспособной оценить книгу Гоголя во всей сложности ее максималистских религиозно-нравственных интенций. Сдержанно отрицательной была и оценка духовенства: митрополита Московского Филарета, архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия, святителя Игнатия (Брянчанинова) – настоятеля Троице-Сергиевой пустыни близ Петербурга, благоприятный отзыв «Переписка» получила лишь в книге архимандрита Феодора (Бухарева) «Три письма к Н.В. Гоголю, писанные в 1848 году».

По большому счету сам Гоголь объяснит главную причину непонимания книги читающей публикой своей «неспособностью» полно и последовательно выразить ту Божественную Истину, которую он предчувствовал и которая побудила его к созданию «Выбранных мест». Покаянная, проповедническая,

пророческая и учительная книга Гоголя стала попыткой реализации его грандиозного замысла: остановить процесс десакрализации русского общества и русской литературы, вернуть их к собственным духовно-религиозным истокам и побудить их к активному и духовному самостроению, взаимодействию и возрождению.

Вторая глава диссертации «Авторская картина русского мира в итоговой книге Н.В. Гоголя» состоит из двух параграфов: §1 «Катастрофизм современного русского бытия и поиски путей его духовного преображения» и §2 «Роль искусства в спасении русского мира и человека».

В «Выбранных местах» Россия предстаёт одновременно в своих двух извечных ипостасях: трагической неустроенности и сакрально-божественной, потенциально-неиссякаемой мощи, красоте и гармонии, в предощущении чудесного Преображения – Спасения, как объект беспредельной авторской любви и почти религиозного культа.

Любовь к России утверждается в книге как условие жизни в ней, как «Святыня», как абсолютное мерило для русского человека, независимо от его статуса, «места», «удела» и «поприща». Любовь к России выводится Гоголем из свойства «русской души», его «русской природы», способной приходить в «соприкосновение с верховным источником лиризма – Богом» (VI, с.205).

Любовь к России, убеждён Гоголь, как божественно-природное, «просветляющее», всепоглощающее, жертвенное чувство и есть та единственно одухотворяющая сила, которая способна преодолеть русский «разлад» и спасти её и каждого живущего в ней соотечественника. Любовь к России неотделима в авторском ощущении от мысли о «верховном промысле, который так явно слышим в судьбах нашего Отечества».

Возникающий в «Переписке» специфически гоголевский образ русского мира в его ускользающих от каких-либо однозначных определений абивалентности, многомерности и динамичности, можно попытаться осмыслить с помощью такого современного научного понятия, как «картина мира» («хронотоп», по более раннему по времени определению М. М. Бахтина и его школы) – объёмный, панорамный, многоаспектный образ (понятие), определяемый как система интуитивных представлений о доступной восприятию человека реальности.

Пространство и время, будучи определяющими характеристиками любой цивилизации, по мнению Г.Д. Гачева, формируют образ жизни, основы и типы её антропологии. По определению Ю.М. Лотмана, пространство – «один из компонентов общего языка, на котором говорит художественное произведение». И хотя «Выбранные места» относятся к «смешанным», пограничным жанрам литературы, испытывающим воздействие и документа и художественно-творческого акта, определение учёного, учитывая подвижные границы между ними, вполне можно распространить и на «Выбранные места».

Для русской культуры, в отличие от западной с её превалированием категории Времени, характерна абсолютизация категории Пространства.

Русской мысли, утверждает Гачев, присущи горизонтальные идеи – Даль, Ширь, Путь-Дорога, Бесконечный Простор, «Русь-тройка», т.е. всё то, что имеет широту, бесконечность и даёт возможность вечного поиска истины.

Гоголевская книга становится классическим образцом того, как в русском искусстве вечный поиск Истины перенаправляет идею «русской горизонтали» в Небесную вертикаль. Г.Д. Гачев назвал картину мира России «русской космофией», «космодромом в однонаправленную бесконечность...».

Появление гоголевской утопической книги по большому счету можно объяснить только его верой в то, что «невозможное может стать возможным», только его верой в «чудо» (Ю.В. Манн). Это, пожалуй, самый чувствительный «нервный узел» (Л.Я. Гинзбург) его книги. «Чудо и вера – взаимосвязанные понятия, – утверждает В.Ш. Кривонос, говоря о поэме Гоголя, – они выступают как свойства авторского миропонимания, влияя и на оценку изображаемого, и на логику повествования, актуализируясь в авторских прозрениях о судьбах нации»³. Гоголь видел в христианизации русского мира и человека единственно возможный путь к Спасению, которое он понимал в качестве цели всего земного человеческого бытия, «как внутреннее перерождение человека, его преображение, духовное обожение» (М.М. Дунаев).

В русской жизни и в русском человеке Гоголь ощущает такие колоссальные внутренние ресурсы, которые будучи приведены в действие и создадут эффект мгновенного «чуда». Он не дерзает постичь мир и жизнь в их тайнах, он мучительно и страстно стремится постичь основополагающий религиозно-нравственный принцип мироздания, чтобы исполнить своё высшее назначение: преобразовать себя и мир в соответствии с христианским идеалом и спастись, спасая тем самым ближних и весь окружающий мир.

В сущности, по отношению к «Выбранным местам» приходится говорить не об одном, а о двух хронотопах: реальном и идеальном, которые предстают в своём динамичном, драматическом противо- и взаимодействии, постоянно проявляя и уточняя друг друга, и которые автор, предельно обнажая их антагонизм, пытается, следуя религиозной догматике, предельно сблизить, чтобы убедить своих соотечественников в возможном и близком торжестве христианского идеала.

Реальное время в «Выбранных местах» характеризуется как «переходное», «тёмное», «запутанное», когда во всём – «охлаждение», «время трудных обстоятельств, расслабленья и развращенья общего, повсеместной ничтожности общества» (VI, с.299), время, чреватое грозными катастрофически-разрушительными процессами и последствиями, ставящими Россию и современную цивилизацию на грань самоуничтожения.

Целиком сосредотачиваясь на остросовременных проблемах русского национального бытия, Гоголь постоянно насыщает пространственные и темпоральные образы своей книги библейскими и общекультурными аллюзиями, с присущей ему изобразительной силой проявляя реальный

³ Кривонос, В.Ш. Мотивы художественной прозы Гоголя. – СПб, 1999 – С. 242.

эсхатологический масштаб происходящего уклонения русского общества и человечества в целом от единственно спасительного для них духовно-нравственного пути неустанного самосовершенствования, мира, «согласия», «духа незлобия», «любви и кротости».

Идея сближения современного человека, человека эмпирического, плотского, материального, несовершенного, с его высоким нравственным предназначением, вечными незыблемыми христианскими догматами становится для автора «Переписки» главенствующей и определяет основы его поздней антропологии.

Решая эту сложную проблему, наука пыталась отыскать истоки гоголевской антропологии в авторской идее изначальной греховности человека (П.М. Бицилли), в противоборстве эстетизма (В.В. Зеньковский) и религиозности, в религиозно-учительной традиции, связанной с понятием «внешнего» и «внутреннего» человека (по теории Г. Сковороды) (С.А. Гончаров) и др.

Думается, гоголевская антропология не сводима к локальной статичной концепции, напротив, она постоянно тяготеет к синтезу разных концепций в динамике их взаимодействия и взаимоуточнения, ориентируясь в целом на христианский идеал. Гоголь с небывалой в русской литературе смелостью снимает ненужные, как ему представляется, избыточные искусственные разграничения между возвышенным и повседневным, духовным и материальным, вечным и преходящим. Трансформируя образ современного порядка вещей, как пронизательно заметил К. Аксаков, «смешивая» их в новой конфигурации, Гоголь стремится придать мощный импульс осязаемой уже на повседневном уровне дальнейшей христианизации русского национального бытия.

Небывалое сближение или «смешение» вещей этого мира в их создаваемом и ожидаемом «трансформизме» (М.Н. Виролайнен) в гоголевской книге, думается, вели к знаковому «сдвигу системы» (Ю.Н. Тынянов) в сфере новой прозы, по сравнению с тем, как эта система сложилась в условиях «золотого века» русской литературы. Всю энергию писательского слова Гоголь пытался перенацелить на жизнетворческие задачи.

По сути дела перед нами утопия, или скорее в «Переписке» присутствует утопическое начало, подобное тому началу, которое присутствует в произведениях Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, устремленных в своих духовных исканиях к христианскому Идеалу бесконечного духовного и нравственного самосовершенствования человека и «братскому согласию всех племен по Христову евангельскому закону» (Ф.М. Достоевский).

На фоне фантастических утопий: буржуазно-мещанской, псевдопатриотической, технократической (Ф.В. Булгарин), авантюрно-балаганной (О.И. Сенковский), авантюрно-приключенческой (А.Ф. Вельтман), интеллектуально-философской, либеральной (В.Ф. Одоевский), фурыеристско-радикальной (В.Г. Белинский, А.И. Герцен), – гоголевская книга оценивается Б.Ф. Егоровым как «домашняя», «глубоко консервативная утопия» и

включается в число национальных консервативных утопий славянофильского толка (А.А. Иванов, А.С. Хомяков, И.В. Киреевский и др.).

Сближаясь со славянофилами в ориентации на христианскую систему ценностей, в защите незыблемости основ сложившегося монархического миропорядка, идеализируя, подобно братьям Аксаковым и Хомякову древние патриархальные обычаи и нравы в сфере социальных отношений, Гоголь в то же время в целом комплексе своих идей перекликается не только с либерально-философскими утопическими замыслами В.Ф. Одоевского и П.Я. Чаадаева, но и с крайне радикальными, революционными проектами декабристов и Герцена.

Гоголевская постановка вопроса о назначении и роли искусства в жизни «каждой человеческой единицы» и судьбах нации опровергает приписываемый писателю миф о его отказе от искусства и о попытке в «Выбранных местах» искусство подменить религией. «Выбранные места» – настоящий гимн подлинному искусству. Ему отводится решающая роль в духовном спасении России и современной цивилизации при условии его мощной сакрализации, возвращении к своим исконным духовным основам и функциям.

Отталкиваясь от радикальных программ переустройства России (Радищев, декабристы), ориентируясь на модель русского национального мира, воссозданную Карамзиным и Пушкиным, включившись в диалог с философско-культурологическим (В. Одоевский) и историософским (Чаадаев, Герцен) ее вариантами, Гоголь переосмыслил в свете христианского идеала и еще более интенсифицировал (по сравнению с современной писателю тенденцией) роль искусства в обществе. Он строил в «Выбранных местах» широко гуманистическую, поистине провидческую по многим своим прозрениям картину русского мира, углубив и обогатив ее христианским вероучением, возвращая ей тем самым такое изначально свойственное русской культуре универсальное базовое качество, как духовность, осознав его как всеопределяющее условие спасения русского человека и русского мира.

Третья глава «Жанровая и композиционная организация «Выбранных мест» состоит из трех параграфов.

В §1 **«Проблема циклообразования в сборнике Н.В. Гоголя»** исследуется специфика цикловой природы гоголевской книги. Циклизация, несомненно, – один из самых органичных и устойчивых приемов гоголевской поэтики, столь тяготеющей к универсализму. Ю.В. Манн писал: «Универсализм Гоголя поистине не знает границ, обнимая не только различные науки, но и область политики и практической деятельности».⁴

Активизируясь к периоду кризиса традиционных литературных форм, циклизация, сохраняя жанровую и стилистическую «память» о предшествующих обретенных, в то же время не стесняет художника в его новых

⁴ Манн Ю.В. Гоголь-критик и публицист // Н.В. Гоголь. собр. соч. - В 7 т. т. VI. М.: Художественная литература, 1986 - С

творческих поисках, в его стремлении «из разобранного строения... строить новое» (V, с.469)⁵.

«Строить новое» – значит, по Гоголю, подниматься на новую, более высокую ступень духовно-творческого саморазвития, обозревать, охватывать и запечатлевать в слове ранее недоступную многомерность мира и человека, проникать в их скрытые глубины, сохраняя (и наращивая!) при этом абсолютную достоверность и детальную точность в изображении составляющих их элементов. Нарастающему катастрофизму кризиса и раскола Гоголь пытается противопоставить ощущаемые им и в жизни и в искусстве центростремительные, скрепляющие человека и мир силы и тенденции.

Опираясь на современные исследования в сфере циклизации (В.С. Киселев, Л.Е. Ляпина, М.Н. Дарвин и др.), диссертант в результате анализа многофункциональной природы циклизации в гоголевской книге приходит к выводу о том, что «сюжет» «Переписки», включая огромный разноуровневый автобиографический, жизненно-эмпирический, историософский, культурологический, теософский материал, подчинен идее духовного восхождения и спасения человека.

Думается, что вопрос о завершенности/незавершенности авторского «сюжета» в «Выбранных местах» не может решаться в аспекте рационалистических оценок. Книга, начавшаяся с предсмертной исповеди, с «Завещания», заканчивается главой под названием «Светлое Воскресение», которая открывает перед автором и его читателями путь к бесконечности нравственного самосовершенствования: «...есть много в коренной природе нашей, нами позабытой, близкого закону Христа..., есть уже начала братства Христова в самой нашей славянской природе...» (VI, с.368).

Объёмный критико-публицистический текст книги Гоголя, тяготеющий (в духе эпохи) к универсализму, с особой очевидностью проявляет и углубляет этико-эстетическую позицию писателя. Приоритет эстетического критерия в оценке искусства для Гоголя не подлежал никакому сомнению (художник – «мастер своего мастерства»; «писатель – Бог»; Карамзин – идеал писателя и гражданин для всех россиян; Пушкин – абсолютный гений, занимающий в России второе место после Христа и т.д.). В эстетическом кодексе Гоголя речь шла не об эстетическом «отступничестве», а о восстановлении исконных духовно-нравственных, религиозных основ базовых эстетических категорий. Без этого искусство превращалось в «бесполезную игрушку», «торговую литературу», «забаву для черни».

Приведя во взаимодействие выработанные к этому времени современной критикой основные подходы в оценке художественного явления: исторический (у Гоголя преимущественно историософский), социально-общественный, эстетический, – автор «Выбранных мест» предпочел «односторонности» одного

⁵ См.: авторское определение переходного состояния Чичикова в преддверии его возможного духовного перерождения: «Можно было сравнить его внутреннее состояние души с разобраным строением, которое было разобрано с тем, чтобы строить из него же новое...» (V, с.469).

из них их широчайший синтез, углубив его предельной активизацией нравственно-религиозного критерия.⁶

§2 «Трансформация жанра литературного «письма» и «путешествия» посвящен рассмотрению поэтики, функций и форм взаимодействия двух магистральных жанров гоголевской книги. Опираясь на научные разработки в сфере жанра литературного письма (Ю.Н. Тынянов, Р.М. Лазарчук, В.И. Мильдон и др.) и «путешествия» (Г.А. Макогоненко, О.Б. Лебедева, Л.А. Сапченко, В. Кантор и др.), диссертант принимает в качестве основной активно разрабатываемую в гоголеведении идею о склонности Гоголя к универсальному синтезу (А. Белый, В.В. Виноградов, Г.А. Гуковский, Ю.Н. Тынянов, Ю.В. Манн, В.Ш. Кривонос и др.).

Всегда проявлявший повышенный интерес к жанрам «письма» и «путешествия», осмыслив и обобщив опыт европейских и отечественных образцов (учитывая при этом и свой собственный богатый эпистолярный опыт и скромные достижения объемной «массовой продукции»), Гоголь создал в «Выбранных местах» русифицированный и по-своему уникальный жанр эпистолярного путешествия. В нем он представил свою картину русского мира в контексте нарастающего цивилизационного кризиса, поставил комплекс «вечных» и остросовременных проблем, «давящих ум» (Ф.М. Достоевский), и попытался указать пути выхода из надвигающейся катастрофы.

В связи с этим принципиальное значение в нашей работе получает вопрос о том, что для организации столь онтологически масштабного и разнородного материала книги Гоголь отводил особое место литературной форме. Эта продуктивная точка зрения начинает утверждаться в современной науке. Так, наблюдения современного учёного В.И. Мильдона, указавшего на литературную форму «Выбранных мест», можно дополнить указанием на использованную в обновлённом качестве циклическую форму книги и поразительно смелую трансформацию «малых жанров» эпохи с их последующим сближением, на художественном языке Гоголя, «смешением», обусловленными авторской установкой на житнетворческую функцию искусства.

В «Выбранных местах» Гоголь, как и в своём предшествующем творчестве, активно использовал свой базовый «конструктивный принцип» (Ю.Н. Тынянов), получивший в современном гоголеведении определение «трансформизма» (М.Н. Виролайнен).

Это становится очевидным в процессе исследования жанровой природы и функциональности гоголевского «письма» в книге. Сохраняя ряд важных типологических эпистолярных признаков (обращение к определённому адресату, фрагментарность, особого рода информативность, доверительная интонация, свобода слога и т.п.), оно, постоянно изменяясь, превращается в очерк широкого жанрового диапазона, литературно-критическую статью, литературное путешествие, литературный портрет, исповедь, проповедь и т.д.

⁶ См. об этом подробнее в Приложении к нашей работе.

К обретениям и достижениям литературного письма Гоголь подключает эстетический ресурс европейского и русского литературного путешествия, ставшего к этому времени одним из самых литературно разработанных жанров (Д. Дефо, Д. Свифт, Т. Смоллетт, Л. Стерн, Д.И. Фонвизин, А.Н. Радищев, Н.М. Карамзин, Ф.Н. Глинка, А.А. Бестужев, А.С. Пушкин).

Базовые типологические признаки, усвоенные жанром русского путешествия (повествование от первого лица или авторского «двойника»; динамичное соотношение авторской точки зрения на окружающее с национально-коллективистским мировидением; преимущественно географический акцент путешествия; свободная очерковая форма с широкой автономией очеркового сегмента; дидактизм), Гоголем будут интенсивно трансформированы, обновлены, обобщены и выстроены в новый литературный текст.

Путешествие, к которому призывает Гоголь, казалось бы, сродни древнерусскому паломничеству по Святым местам (монастырям, где подвизались подвижники благочестия). Но Святое место для него – сама Россия: «Монастырь ваш – Россия», – писал Гоголь в главе «Нужно проездиться по России». Автор совершает своего рода «странствие» не только внутри России, но и в своей душе. Душа же человеческая, согласно христианскому учению, русскому фольклору и русской культуре в целом, всегда странница, всегда в пути между временным своим пристанищем и небесной обителью. Гоголевское требование: «Нужно проездиться по России» побуждает прежде всего к продвижению в духовном пространстве («Христианин идет вперед»).

Создавая новый тип социально-универсальной прозы в русской литературе, прозы, по словам В.Ш. Кривоноса, «с самого начала стремящейся к художественному самоосмыслению, к самопознанию и самооценке»⁷, Гоголь усмотрел наиболее значительные этико-эстетические ее ресурсы в пограничной зоне взаимодействия как самих этих разных жанров, так и их основных описательно-повествовательного, идеологически-проповеднического компонентов. Это становится очевидным в сопоставлении гоголевского эпистолярно-«путешествия» с такими идейно-эстетическими знаковыми для русской литературы XVIII – XIX веков книгами-путешествиями, как «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева, «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина и огромной разноуровневой продукцией в этой жанровой сфере, от писем И.М. Муравьева-Апостола до «Философических писем» П.Я. Чаадаева и «Писем из Франции и Италии» А.И. Герцена.

Остро реагируя на имеющиеся традиционные модели путешествия, сознательно вызывая в памяти читателя культурные ассоциации с самым знаменитым русским образцом, «Письмами русского путешественника» Н.М. Карамзина, Гоголь призывает своего адресата гр. А.П. Толстого и в его лице самых влиятельных и активных людей в российском государстве

⁷ Кривонос В.Ш. «Мертвые души» Гоголя и становление новой русской прозы. Проблемы повествования. – Воронеж, 1985. – С. 4.

«проездиться по России» для того, чтобы реально, трезво и результативно скорректировать восстановление «порядка» в стране на основе многовековых «обычаев», традиций и закона христианского и государственного.

Книга Гоголя – это не только путь читателя, но и духовный путь, «направленное духовное движение» (Д. Максимов) самого писателя – человека, христианина, путь, который мог и должен был стать нравственным ориентиром для соотечественников.

В §3 «Литературная модификация жанра исповеди и проповеди» исследуется состав, назначение и функциональность самого проблемного текста «Выбранных мест» – исповедально-проповеднического, вызвавшего в наибольшей степени такое острое отторжение в критике, читательских кругах, науке. В его оценке разошлись не только убежденные оппоненты позднего Гоголя (В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Т.Н. Грановский, В.П. Боткин, П.В. Анненков, С.Т. Аксаков, И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин и др.), его духовные союзники (А.И. Тургенев, П.А. Вяземский, П.Я. Чаадаев, поздний Л.Н. Толстой и др.), апологеты (В. Зеньковский, К. Мочульский), но и сторонники современного религиозного литературоведения (Е.И. Анненкова, В.А. Воропаев, И.А. Виноградов, М.М. Дунаев, С.А. Гончаров В.А. Котельников и др.).

Так, Е.И. Анненкова, возвращаясь к суждениям религиозно-философской критики рубежа XIX – XX веков (Д. Мережковский, В. Розанов, И. Щеглов, И. Житецкий и др.), критике периода русской эмиграции (К. Мочульский, В. Зеньковский, С. Франк и др.) приходит к выводу о том, что «Выбранные места» отразили в конечном итоге открывшуюся писателю «возможность перехода от творчества эстетического к творчеству духовному»⁸.

Думается, что поздний Гоголь, закономерно обратившись к такому значимому для него ресурсу в духовном «воскрешении» «соотечественников», как Священное Писание, труды Отцов церкви, все же искал некий высший синтез духовного и эстетического начал, искал те совершенные эстетические, литературные формы, в которые можно было бы облечь незыблемые христианские истины, придать им непреложный и вместе с тем живой и неотразимо убедительный характер для обыденного, массового сознания, сделать подлинное искусство и религиозные истины фактом жизни каждого «соотечественника».

Этой авторской установкой можно объяснить интенсивное сближение в «Выбранных местах» литературного и религиозного текстов, на основе мощной сакрализации первого и литературной трансформации последнего.

В **Заключении** подведены итоги исследования, обозначены основные результаты, определено место и значение «Выбранных мест» в литературно-общественном контексте 1840-х годов.

В ходе проведенного исследования мы приходим к выводу о том, что «Переписка», безусловно, не становится «Евангелием от Гоголя», апостольским

⁸ Анненкова, Е.И. Автор в «Мертвых душах» и «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя // Литература в школе. – 1999. – № 2. – С. 34.

откровением, а сам Гоголь – «русским Богом» (Вайль Петр, Генис Александр), обратившимся к своему народу с религиозной исповедью и проповедью. Как убеждает исследование поэтики «прощальной книги» Гоголя, он создавал ее как литературное произведение, ставя актуальные и «вечные вопросы» национального и общечеловеческого бытия и привлекая для их разрешения мощный этико-религиозный и литературный ресурс. При явной утопичности и гениальной «наивности» многих гоголевских практических «советов» переустройства России, его магистральное направление всё же было угадано пророчески верно. В этом убеждает во многом предсказанный им трагедийный ход развития современной цивилизации и культуры.

Значение книги Гоголя видится прежде всего в том, что она, создавая трезвую, точную и одновременно метафизически провиденциальную картину русского мира в свете авторского христианского идеала, давала русской нации еще один шанс спасительной самоидентификации, открывала перед ней новые духовные горизонты саморазвития, побуждая к дальнейшим интуитивным и научным исследованиям жизни, искусства и самого гоголевского феномена.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1 Вильнова, С.В. «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя в оценке русской общественно-критической и религиозной мысли 1840-х годов / С.В. Вильнова // **Вестник Оренбургского государственного университета** / под ред. В.П. Ковалевского. – Оренбург: ГОУ ВПО «ОГУ». — 2006. – Ноябрь. Специальный выпуск. Наука и образование: проблемы и перспективы. Ч.1. – С.15 – 22. – ISSN 1814-6457 (0,5 п.л.).

Научные статьи:

2. Климова, С.В. К вопросу о духовной эволюции позднего Гоголя («Прощальная повесть») / С.В. Климова // Интеллектуальный потенциал высшего педагогического образования. Материалы XXIII преподавательской и XLI студенческой научно-практической конференции (25–26 апреля 2001 года). Ч. 2. Гуманитарные секции. Оренбург: ОГПУ, 2001. С.51–52. (0,3 п.л.).

3. Вильнова, С.В. Религиозно-этическая переориентация искусства в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. / С.В. Вильнова // Движение художественных форм и художественного сознания XX и XXI веков. В рамках проекта «Самарская филологическая школа». Самара: СГПУ, 2005. С. 58–64 (0,4 п.л.).

4. Вильнова, С.В. Слово художника в контексте русской православной традиции в итоговой книге Н.В. Гоголя / С.В. Вильнова // Вторые Бочкаревские чтения. Тридцатая юбилейная Зональная конференция литературоведов Поволжья. Самара: СГПУ, 2006. С.63–71. (0,5 п.л.).

5. Вильнова, С.В. Гоголевский концепт искусства в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. / С.В. Вильнова // Аспирантский вестник ОГПУ 2006, №5. Оренбург: ОГПУ, 2006. С.4–13. (0,5 п.л.).

6. Вильнова, С.В. Онтологизация жанра «путешествия» в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. / С.В. Вильнова // Аспирантский вестник ОГПУ 2007, №6. Оренбург: ОГПУ, 2007. С.37–40. (0,4 п.л.).

7. Вильнова, С.В. Кризис человека в ретроспективе гоголевской антропологии характера / С.В. Вильнова // КЛИО. Журнал для учёных 2007, №2. СПб: Нестор, 2007. С.157 – 158. (0,3 п.л.).

8. Вильнова, С.В. Трансформация жанра литературного «письма» в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя / С.В. Вильнова // Материалы XXXI Зональной конференции литературоведов Поволжья: В 3ч. Ч.1. Елабуга: Изд-во ЕГПУ, 2008 С.56–65 (0,5 п.л.) .